

УДК 323.8

DOI: 10.34670/AR.2026.37.57.004

Двухконтурная модель публичной сферы: политическая социализация и фрагментация аудитории в условиях управляемой гибридности

Воротников Денис Романович

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: vorotnikov-deniska@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется трансформация российской публичной сферы в условиях формирования модели «управляемой гибридности». Вводится и обосновывается понятие «двухконтурной модели» публичной сферы, включающей официальный (контролируемый) контур и теневой (относительно автономный) контур. На основе эмпирических данных и теоретического анализа исследуются последствия этой фрагментации для политической социализации различных возрастных и социальных групп. В статье указано, что двухконтурная модель ведет к формированию изолированных «информационных пузырей» и «эхо-камер», затрудняющих межгрупповой диалог и способствующих политической поляризации. Делается вывод о том, что двухконтурная модель представляет собой не просто технологическую, но фундаментальную трансформацию публичной сферы, затрагивающую механизмы политической социализации и формирование гражданской идентичности.

Для цитирования в научных исследованиях

Воротников Д.Р. Двухконтурная модель публичной сферы: политическая социализация и фрагментация аудитории в условиях управляемой гибридности // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 33-41. DOI: 10.34670/AR.2026.37.57.004

Ключевые слова

Двухконтурная модель, публичная сфера, управляемая гибридность, политическая социализация, фрагментация аудитории, цифровой суверенитет, информационные пузыри, эхо-камеры, политическая коммуникация, цифровая трансформация.

Введение

Понятие публичной сферы, разработанное Ю. Хабермасом, остается одной из ключевых категорий политической науки для описания пространства, где рациональные дискуссии между гражданами формируют общественное мнение, способное влиять на политическую власть. В классической трактовке публичная сфера предполагает горизонтальную коммуникацию равноправных участников, свободный обмен мнениями и возможность формирования общественного мнения, независимого от государства. Однако в условиях цифровой трансформации и формирования модели «управляемой гибридности» классическая публичная сфера претерпевает фундаментальные изменения, которые требуют нового теоретического осмысления [Володенков, Федорченко, 2025].

В 2022-2026 годах произошла кардинальная трансформация российского платформенного ландшафта: уход зарубежных социальных сетей, замедление YouTube, развитие национальных платформ (VK, RuTube, MAX) и сохранение ключевой роли Telegram как площадки для политической коммуникации [Логинов, Усова, 2025, с. 38-50]. Эти изменения привели к формированию принципиально новой структуры публичной сферы, которую можно описать как двухконтурную модель, где официальные и теневые контуры существуют в состоянии динамического равновесия. Такая фрагментация публичной сферы непосредственно влияет на процессы политической социализации различных возрастных и социальных групп, формируя изолированные «информационные пузыри» и «эхо-камеры».

Основная часть

Классическая модель публичной сферы, разработанная Ю. Хабермасом, предполагала наличие пространства, где частные лица собираются вместе для обсуждения общественных дел, формируя общественное мнение, независимое от государства и рыночных сил. Однако в цифровую эпоху эта модель сталкивается с рядом фундаментальных вызовов.

Как отмечают исследователи, в современной России наблюдается сужение пространства публичной сферы. Этот процесс связан с несколькими факторами: усилением государственного контроля над медиа, фрагментацией аудитории и ростом влияния алгоритмических платформ. В этих условиях классическая публичная сфера утрачивает свою целостность, распадаясь на множество изолированных сегментов.

Исследователи также выделяют две тенденции, которые имеют структурный характер в актуальной политике: сужение пространства публичной сферы и секьюритизация памяти. На основании этих двух тенденций определяются два потенциальных размежевания: «элиты/не элиты» и размежевание по линии исторической памяти.

В условиях цифровой трансформации традиционные механизмы публичной коммуникации уступают место новым, платформенно-опосредованным формам взаимодействия. В условиях коммуникационного многообразия (изобилия) старые методы пропаганды работают уже без прежнего эффекта. Информационное пространство находится в состоянии перманентного информационного митоза и фрагментирования, а алгоритмы рекомендаций создают «информационные пузыри».

Для понимания трансформации российской публичной сферы ключевое значение имеет концепция «управляемой гибридности». Как отмечают С.В. Володенков и С.Н. Федорченко, в условиях глобальных технологических трансформаций цифровой коммуникационной сферы

актуализируется проблема обеспечения цифрового суверенитета современного государства. Особо важное значение данная проблема имеет в сфере общественно-политических коммуникаций, характеризующейся значительным потенциалом воздействия на массовое сознание.

По итогам международного экспертного исследования авторы делают заключение о необходимости разработки суверенной модели стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций в России. Однако российская модель цифровой суверенизации на сегодняшний день лишь формируется. В настоящее время происходит обоснование российской стратегии суверенного развития цифровых общественно-политических коммуникаций, а также разработка структурных элементов и практических моделей ее воплощения.

Исследователи подчеркивают, что в связи с отсутствием окончательно сформированной модели цифровой суверенизации подавляющее число экспертов отмечают, что на сегодняшний день уровень полноты цифрового суверенитета России в целом недостаточный. При этом цифровая суверенность по своей сути является эмерджентным свойством системы национальных цифровых процессов в ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества.

Двухконтурная модель публичной сферы состоит из двух элементов.

Первый контур - официальный (контролируемый). Включает платформы, находящиеся под прямым или косвенным контролем государства: VK (как основная платформа для массовой агитации и информирования), RuTube (как государственный видеохостинг) и МАХ (как инструмент принудительной координации и служебной коммуникации). Этот контур характеризуется: полным контролем государства над инфраструктурой и контентом; отсутствием системной оппозиционной повестки; высокой долей институциональной (бюрократической) коммуникации; низкой интерактивностью и вовлеченностью аудитории; преобладанием вертикальной модели информирования над горизонтальной дискуссией.

Второй контур - теневой (относительно автономный). Включает платформы, сохраняющие относительную независимость от государственного контроля: Telegram как основная площадка для политической дискуссии и координации и YouTube, доступные через VPN [Логинов, Усова, 2025, с. 38-50]. Этот контур характеризуется: относительной автономией от государственного контроля; наличием альтернативных повесток, включая оппозиционные и критические; высокой интерактивностью и вовлеченностью аудитории; преобладанием горизонтальной коммуникации; постоянным давлением со стороны государства (угрозы блокировки, замедление).

Важно подчеркнуть, что два контура не изолированы друг от друга. Между ними существует динамическое равновесие: часть аудитории и контента мигрирует из одного контура в другой в зависимости от политической ситуации, технологических изменений и регуляторных мер. Однако, как показывают исследования, прямое перераспределение аудитории между контурами происходит не в полной мере, а скорее наблюдается расширение цифрового присутствия в каждом из контуров.

Одним из ключевых последствий двухконтурной модели является фрагментация аудитории на изолированные группы, каждая из которых потребляет преимущественно «свой» контент. То есть, аудитория распадается на интрогруппы со своими медиаисточниками. То, что работает в одном сегменте, игнорируется в другом.

Этот процесс усиливается алгоритмическими механизмами платформ. Алгоритмы

платформ формируют информпоток так, что человек видит в основном то, что подтверждает его запросы и предпочтения. Тонкое таргетирование, микросегментация аудитории, генерация контента с помощью ИИ воздействуют более адресно и эффективно, чем прямая пропаганда.

В результате формируются «информационные пузыри» - изолированные информационные среды, в которых пользователи получают преимущественно ту информацию, которая соответствует их существующим убеждениям. Это создает серьезные вызовы для политической коммуникации, так как сформировать у аудитории единую картину мира крайне сложно.

Особое значение этот процесс имеет для политической социализации. В идеологических сообществах воспроизводятся атрибуты только своей политической идеологии и не допускаются посторонние [Бадмацыренов, Цыденов, Хандаров, 2021, с. 183-204]. Это означает, что политическая социализация в условиях двухконтурной модели происходит в изолированных средах, где формируются однородные политические установки, а альтернативные точки зрения либо не представлены, либо воспринимаются враждебно.

Под политической социализацией следует понимать процесс усвоения индивидом политических норм, ценностей и моделей поведения, которые в условиях двухконтурной модели приобретают новые характеристики. В исследовании, проведенном при поддержке ЭИСИ отмечается, что в социальных сетях происходит активный обмен политической информацией и идеями между пользователями. Однако характер этого обмена существенно различается в зависимости от того, в каком контуре он происходит.

В официальном контуре политическая социализация носит преимущественно вертикальный характер: государство через подконтрольные платформы транслирует официальные нарративы, формируя у граждан определенные политические установки. Этот процесс характеризуется: высокой степенью институционализации; преобладанием монологической коммуникации; ориентацией на формирование лояльности к существующей политической системе; использованием образовательных и просветительских форматов для трансляции официальных ценностей [Худяков, Быков, 2025, с. 112-135].

В теневом контуре политическая социализация носит горизонтальный характер: пользователи обмениваются мнениями, формируют альтернативные повестки и критически оценивают официальные нарративы. Этот процесс характеризуется: низкой степенью институционализации; преобладанием диалогической коммуникации; ориентацией на формирование критического мышления; использованием неформальных форматов и сетевых структур.

Особый интерес представляет политическая социализация молодежи. Как отмечает Д.А. Казанцев: «В структуре политической социализации молодых пользователей выявлены малочисленное «ядро» (до 10%), которое осознает политический подтекст контента, и периферия (до 80%), предпочитающая избегать политики» [Казанцев, Качусов, 2025, с. 301-314]. При этом интернет и социальные сети становятся доминирующим каналом формирования политических представлений молодежи, зачастую вытесняя традиционные институты социализации.

Исследование С.В. Расторгуева показывает, что политические ожидания российской молодежи в социальных медиа характеризуются высоким уровнем смысловой фрагментации, аморфностью и слабой психоэмоциональной поляризацией [Расторгуев, Титов, Давыдова, 2026, с. 78-95]. Доминирующее положение в широком конгломерате разнообразных дискурсов занимает запрос на социально-политическую предсказуемость и нормализацию внешнеполитической ситуации вокруг России.

Двухконтурная модель публичной сферы по-разному влияет на различные возрастные и социальные группы. Можно выделить несколько ключевых сегментов аудитории.

Молодежь (18-25 лет). Эта группа является наиболее активным потребителем контента в теневого контуре (Telegram и YouTube через VPN). Для нее характерно: высокий уровень цифровой грамотности; предпочтение неформальных форматов коммуникации; критическое отношение к официальным нарративам; фрагментированное политическое сознание.

Среднее поколение (26-45 лет). Эта группа распределена между двумя контурами, часто используя оба одновременно для разных целей: Telegram для оперативной политической информации и дискуссий; VK для официальной коммуникации и взаимодействия с государственными структурами; МАХ для служебной коммуникации (для бюджетников).

Старшее поколение (45+ лет). Эта группа в большей степени ориентирована на официальный контур: предпочтение телевидения и государственных СМИ; более высокий уровень доверия к официальным источникам; низкая вовлеченность в теновый контур [Аналитический центр НАФИ, 2026, с. 24].

В условиях двухконтурной модели происходит трансформация традиционных агентов политической социализации. Семья как традиционный агент политической социализации утрачивает свое доминирующее положение, особенно среди молодежи. Интернет и социальные сети становятся доминирующим каналом формирования политических представлений молодежи, зачастую вытесняя традиционные институты социализации [Домбровская, Коваленко, Буслаева, 2025, с. 88-102].

Школа и образование также сталкиваются с вызовами цифровой трансформации. В условиях двухконтурной модели образовательные учреждения оказываются преимущественно в официальном контуре, транслируя государственные нарративы. Однако молодежь получает альтернативную информацию в теневого контуре, что создает противоречия между официальным и неформальным политическим воспитанием.

СМИ в условиях двухконтурной модели также трансформируются. Традиционные СМИ остаются в официальном контуре, тогда как новые медиа (Telegram-каналы, блоги) функционируют преимущественно в теневого. Это создает ситуацию, когда разные поколения получают политическую информацию из принципиально разных источников [Бродовская et al., 2025, с. 59-67].

Одним из ключевых вызовов двухконтурной модели является формирование политической идентичности. В условиях фрагментированной публичной сферы граждане оказываются перед необходимостью конструировать свою политическую идентичность на основе информации из разных, часто противоречащих друг другу контуров.

Исследования показывают, что в российских условиях наблюдается низкий уровень деперсонифицированных форм коммуникации при ощущении себя частью более широкой идентичности. Этот феномен может быть объяснен фрагментацией публичной сферы: граждане формируют политическую идентичность в изолированных информационных пузырях, что затрудняет коллективное действие и согласование общих целей [Гребняк, Новощенина, 2025, с. 34-4].

Двухконтурная модель публичной сферы по-разному влияет на политическое участие в официальном и теневого контурах.

В официальном контуре политическое участие носит преимущественно институционализированный характер: голосование на выборах, участие в официальных общественных слушаниях, обращение в государственные органы. Это участие:

регулируется государством; имеет формальные процедуры; предполагает идентификацию участников; ограничено официальными повестками. В теневом контуре политическое участие носит неинституционализированный характер: участие в онлайн-дискуссиях, распространение информации, координация действий. Это участие: слабо регулируется государством; имеет неформальные процедуры; может быть анонимным; выходит за рамки официальных повесток.

Отдельным направлением в изучении политической социализации является анализ деятельности политических субъектов, политических настроений граждан, политики по продвижению идей и политических программ среди граждан. В условиях двухконтурной модели эти процессы протекают по-разному в разных контурах.

Одним из ключевых противоречий двухконтурной модели является конфликт между стремлением государства к цифровому суверенитету и объективной фрагментацией публичной сферы.

С одной стороны, государство стремится к контролю над публичной сферой через создание и контроль национальных платформ (VK, RuTube, MAX). С другой стороны, само стремление к контролю ведет к фрагментации публичной сферы: часть аудитории уходит в теневой контур, где государственный контроль ослаблен. Это создает парадоксальную ситуацию: чем больше государство стремится контролировать публичную сферу, тем более фрагментированной она становится [Голубенко, 2024, с. 104-115].

Внешние и внутренние факторы, создающие условия для ключевых вызовов цифровой суверенизации, не просто связаны между собой, а способны усиливать друг друга, в критических вариантах проходя точку невозврата и провоцируя противоположный процесс - цифровую десуверенизацию.

Также двухконтурная модель публичной сферы способствует социальной поляризации и десолидаризации. Разные группы населения, потребляющие политическую информацию из разных контуров, формируют несовместимые картины мира, что затрудняет взаимопонимание и социальную интеграцию.

Исследования показывают, что в социальных сетях происходит воспроизводство политических идеологий в «эхо-камерах», где воспроизводятся атрибуты только своей политической идеологии и не допускаются посторонние. Актуальное информационное пространство находится в состоянии перманентного информационного митоза и фрагментирования. Традиционные СМИ, соцсети, мессенджеры, блоги, подкасты формируют коммуникационное изобилие, а алгоритмы рекомендаций создают «информационные пузыри». В таких условиях прежние методы пропаганды и контрпропаганды утрачивают эффективность [Политическая социализация, социальные сети и коммуникации, 2025, с. 45-68].

Заключение

Двухконтурная модель публичной сферы представляет собой не просто технологический или регуляторный феномен, а фундаментальную трансформацию политической коммуникации, затрагивающую механизмы политической социализации, формирование гражданской идентичности и социальную интеграцию в цифровую эпоху. Ее осмысление необходимо не только для академического анализа, но и для выработки практических рекомендаций по оптимизации государственной политики в сфере цифровых коммуникаций, повышению эффективности политической коммуникации и снижению рисков социальной поляризации. В условиях, когда цифровая среда становится основным пространством политической

социализации и коммуникации, понимание логики двухконтурной модели приобретает критическое значение для всех участников политического процесса от государственных институтов до гражданского общества и отдельных граждан.

Библиография

1. Аналитический центр НАФИ. Уровень цифровой грамотности россиян в 2025 году. — М.: НАФИ, 2026. — 24 с.
2. Бадмацыренов Т.Б. «Третье пространство», «эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях / Т.Б. Бадмацыренов, А.Б. Цыденов, Ф.В. Хандаров // Политическая наука. — 2021. — № 1. — С. 183-204.
3. Бродовская Е.В. Роль управления социально-медийным информационным потоком ЛДПР в закреплении статуса политической партии «второго выбора» (2023-2024 гг.) / Е.В. Бродовская, Д.О. Грибова, А.В. Иванов, О.О. Крохин // Власть. — 2025. — № 3. — С. 59-67.
4. Володенков С.В. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2025. — Т. 27. — № 3.
5. Голубенко Д.А. Технологии формирования политического имиджа правящей парламентской партии в социальных сетях и блогах: на примере политической партии «Единая Россия» / Д.А. Голубенко // Управленческое консультирование. — 2024. — № 4. — С. 104-115.
6. Гребняк О.В. Национально-государственная идентичность в цифровую эпоху: между патриотическим консенсусом и информационной тревогой / О.В. Гребняк, О.П. Новощенина // Социально-политические науки. — 2025. — Т. 15. — № 4. — С. 34-45.
7. Домбровская А.Ю. Социальные медиа мобилизации эмиграционных установок российской молодежи / А.Ю. Домбровская, Д.С. Коваленко, М.В. Буслаева // Власть. — 2025. — Т. 33. — № 2. — С. 88-102.
8. Казанцев Д.А. «Зона без политики»: роль развлекательного контента в политической социализации российской молодежи на примере Steam и YouTube / Д.А. Казанцев, Д.А. Качусов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2025. — Т. 27. — № 2. — С. 301-314.
9. Логинов М.П. Особенности регулирования платформенных отношений в России / М.П. Логинов, Н.В. Усова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». — 2025. — № 2 (44). — С. 38-50.
10. Политическая социализация, социальные сети и коммуникации: основные направления исследования // Петербургская социология сегодня. — 2025. — Вып. 18. — С. 45-68.
11. Расторгуев С.В. Политические ожидания российской молодежи в дискурсах социальных медиа: специфика репрезентации / С.В. Расторгуев, В.В. Титов, М.А. Давыдова // Политическая наука. — 2026. — № 2. — С. 78-95.
12. Самойлов П.А. Роль Telegram-каналов в трансформации политической экосистемы современного общества / П.А. Самойлов // Социодинамика. — 2025. — № 1. — С. 69-84.
13. Худяков Г. Идеологическая идентичность и «эхо-камеры» во ВКонтакте: на примере президентских выборов 2024 года / Г. Худяков, И.А. Быков // Политическая наука. — 2025. — № 2. — С. 112-135.

The Dual-Circuit Model of the Public Sphere: Political Socialization and Audience Fragmentation in the Context of Managed Hybridity

Denis R. Vorotnikov

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: vorotnikov-deniska@mail.ru

Abstract

The article analyzes the transformation of the Russian public sphere in the context of the formation of the "managed hybridity" model. The concept of a "dual-circuit model" of the public sphere, including an official (controlled) circuit and a shadow (relatively autonomous) circuit, is introduced and substantiated. Based on empirical data and theoretical analysis, the consequences of this fragmentation for the political socialization of various age and social groups are investigated. The article indicates that the dual-circuit model leads to the formation of isolated "information bubbles" and "echo chambers," which complicate intergroup dialogue and contribute to political polarization. It is concluded that the dual-circuit model represents not merely a technological, but a fundamental transformation of the public sphere, affecting the mechanisms of political socialization and the formation of civic identity.

For citation

Vorotnikov D.R. (2026) Dvukhkonturnaya model' publichnoy sfery: politicheskaya sotsializatsiya i fragmentatsiya auditorii v usloviyakh upravlyaemoy gibridnosti [The Dual-Circuit Model of the Public Sphere: Political Socialization and Audience Fragmentation in the Context of Managed Hybridity]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 33-41. DOI: 10.34670/AR.2026.37.57.004

Keywords

Dual-circuit model, public sphere, managed hybridity, political socialization, audience fragmentation, digital sovereignty, information bubbles, echo chambers, political communication, digital transformation.

References

1. Analyticheskiy tsentr NAFI. (2026) Uroven tsifrovoy gramotnosti rossiyan v 2025 godu [Level of Digital Literacy of Russians in 2025]. NAFI.
2. Badmatsyrenov, T.B., Tsydenov, A.B., & Khandarov, F.V. (2021). "Tretye prostranstvo," "ekho-kamery" i onlayn-soobshchestva: vosproizvodstvo politicheskikh ideologiy v sotsialnykh setyakh ["Third Space," "Echo Chambers" and Online Communities: Reproduction of Political Ideologies in Social Networks]. *Politicheskaya nauka*, (1), 183-204.
3. Brodovskaya, E.V., Gribova, D.O., Ivanov, A.V., & Krokhin, O.O. (2025). Rol upravleniya sotsialno-mediynym informatsionnym potokom LDPR v zakreplenii statusa politicheskoy partii "vtorogo vybora" (2023-2024 gg.) [The Role of Managing the LDPR Social Media Information Flow in Consolidating the Status of a "Second Choice" Political Party (2023-2024)]. *Vlast*, (3), 59-67.
4. Dombrovskaya, A.Y., Kovalenko, D.S., & Buslaeva, M.V. (2025). Sotsialnyye media mobilizatsii emigratsionnykh ustanovokrossiyskoy molodezhi [Social Media of Mobilization of Emigration Attitudes of Russian Youth]. *Vlast*, 33(2), 88-102.
5. Golubenko, D.A. (2024). Tekhnologii formirovaniya politicheskogo imidzha pravyashchey parlamentskoy partii v sotsialnykh setyakh i blogakh: na primere politicheskoy partii "Edinaya Rossiya" [Technologies for Forming the Political Image of the Ruling Parliamentary Party in Social Networks and Blogs: The Case of the United Russia Party]. *Upravlencheskoye konsultirovaniye*, (4), 104-115.
6. Grebnyak, O.V., & Novoshchenina, O.P. (2025). Natsionalno-gosudarstvennaya identichnost v tsifrovuyu epokhu: mezhdru patrioticheskimi konsensusami informatsionnoy trevogoy [National-State Identity in the Digital Age: Between Patriotic Consensus and Information Anxiety]. *Sotsialno-politicheskiye nauki*, 15(4), 34-45.
7. Kazantsev, D.A., & Kachusov, D.A. (2025). "Zona bez politiki": rol razvlekatelnogo kontenta v politicheskoy sotsializatsii rossiyskoy molodezhi na primere Steam i YouTube ["Zone without Politics": The Role of Entertainment Content in the Political Socialization of Russian Youth on the Example of Steam and YouTube]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 27(2), 301-314.
8. Khudyakov, G., & Bykov, I.A. (2025). Ideologicheskaya identichnost i "ekho-kamery" vo VKontakte: na primere prezidentskikh vyborov 2024 goda [Ideological Identity and "Echo Chambers" on VKontakte: The Case of the 2024 Presidential Elections]. *Politicheskaya nauka*, (2), 112-135.

9. Loginov, M.P., & Usova, N.V. (2025). Osobennosti regulirovaniya platformennykh otnosheniy v Rossii [Features of Regulation of Platform Relations in Russia]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Ekonomika", (2(44)), 38-50.
10. Politicheskaya sotsializatsiya, sotsialnyye seti i kommunikatsii: osnovnyye napravleniya issledovaniya [Political Socialization, Social Networks and Communications: Main Research Directions]. (2025). Peterburgskaya sotsiologiya segodnya, (18), 45-68.
11. Rastorguev, S.V., Titov, V.V., & Davydova, M.A. (2026) Politicheskiye ozhidaniya rossiyskoy molodezhi v diskursakh sotsialnykh media: spetsifika reprezentatsii [Political Expectations of Russian Youth in Social Media Discourses: Specifics of Representation]. Politicheskaya nauka, (2), 78-95.
12. Samoylov, P.A. (2025). Rol Telegram-kanalov v transformatsii politicheskoy ekosistemy sovremennogo obshchestva [The Role of Telegram Channels in the Transformation of the Political Ecosystem of Modern Society]. Sotsiodinamika, (1), 69-84.
13. Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2025). Suverenitet tsifrovogo prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikatsiy v sovremennoy Rossii i yego klyuchevyye komponenty: po materialam ekspertnogo issledovaniya [Sovereignty of the Digital Space of Public and Political Communications in Modern Russia and Its Key Components: Based on Expert Research]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya, 27(3).